

Прекариат: новое социально-экономическое явление

От редакции. Коллективом социологов РГГУ (рук. Ж.Т. Тощенко) осуществлено социологическое исследование, посвященное формированию прекариата как нового социального феномена. В мае – июле 2018 г. Центром социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги) был проведен всероссийский опрос трудоспособного населения ($N = 1200$) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа, села (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 поселков городского типа (пгт). На последнем этапе для отбора респондентов интервьюерами соблюдались квоты по социально-профессиональным группам. Расчет эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлен с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю (при пороге теоретической допустимой средней погрешности $\pm 5\%$). В статьях рубрики данные этого исследования обозначены ПТ-2018 (Прекарный труд – 2018).

Полученная информация сопоставлялась с ранее выполняемым данным коллективом проектом РНФ № 14-18-02016 «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)», а также с данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), Института социологии ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра, ФОМ и ряда региональных центров.

© 2019 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ФЕНОМЕН ПРЕКАРИАТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель и зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методологические основания исследования прекариата, проанализирован опыт осмысления этого феномена в отечественной и зарубежной литературе, причины его появления на исторической арене. Описаны исходные позиции подготовки специального исследования прекариата, его методология: определение социальной проблемы в сфере трудовых отношений, структуры (состава) прекариата и его представленности в жизни общества. На основе данных всероссийского исследования выявлены общие и особенные черты прекариата, показано его место и соотношение с другими социальными группами. Обсужден дискуссионный вопрос: может ли прекариат называться классом и каковы в таком случае его главные

критерии? Высказаны предположения о его роли в ходе кардинальных общественных изменений в экономике и политике, социальные последствия его дальнейшего существования, определена роль прекариата в отстаивании собственных интересов, а также перспективы его развития и функционирования.

Ключевые слова: прекариат • теория • методология • социальная структура • класс • занятость • трудовые отношения • социальные последствия

DOI: 10.31857/S013216250006669-8

Даже беглый взгляд на современную социально-экономическую ситуацию в России и зарубежных странах показывает, что прежняя социально-классовая структура перестала существовать. Традиционные понятия – рабочий класс, крестьянство, интеллигенция – приобрели весьма размытый и фрагментированный характер. Социально-классовая структура общества стала представлять собой калейдоскоп общностей, не имеющих или мало имеющих общие черты. Кардинальные изменения не остались незамеченными – появилась многочисленная объяснения новой реальности. Однако они оказались противоречивыми, чаще всего концентрирующими внимание на отдельных показателях социально-классовой структуры. Многие из этих попыток не замечают появления принципиально новых слоев, которые определяют современное общество – социальных групп и общностей, характеризующихся неустойчивым, нестабильным, негарантированным социальным положением, и которые вошли в научную литературу под названием «прекариат». Однако трактовка этого понятия весьма разнообразна, противоречива и неоднозначна. Поэтому актуальны описание и анализ не только самого феномена, но и теоретических и методологических оснований его изучения.

Современный опыт описания и анализа изменений социально-классовой структуры общества. Одной из первых попыток проанализировать реальную ситуацию в изменившейся социально-классовой структуре общества стала концепция *среднего класса*. Однако эта концепция не может полностью объяснить многообразие появившихся социокультурных изменений, так как в большинстве случаев основным классообразующим признаком провозглашено благосостояние, уровень материальной обеспеченности «среднего класса». Иногда к трактовке этого феномена добавлялись такие показатели, как степень участия в общественной жизни, влияние образования. Понимание неоднозначности и противоречивой сущности среднего класса привело исследователей к необходимости анализировать его уровни (см. подробнее: [Средний класс..., 2016]). Стоит отметить, что в процессе анализа среднего класса (слоя) появились сомнения в его абсолютной значимости. Исследователями социально-экономических и социально-политических проблем, в том числе и разработчиками концепции среднего класса, было обнаружено, что при всей внешней привлекательности такого подхода к социальной структуре общества стало очевидным, что этот класс неоднороден. Более того, он один из первых подвергся размыванию, уменьшению своего объема. Поэтому появилась концепция «сплюснутого среднего класса», «сплюснутой середины» (squeezed middle) британского политика и публициста Э. Милибенда, под которым понималась часть социальных слоев общества, обладающих средним и низким уровнем дохода, страдающих от инфляции, замораживания зарплат и сокращения государственных расходов, что ощутимо проявлялось во времена экономических кризисов. В отечественной литературе осуществлена дифференциация среднего класса на несколько уровней [Тихонова, 2014].

Другую попытку объяснить новые явления в социально-классовой структуре, на наш взгляд, не совсем обоснованную, представляет концепция *креативного класса*. Из-за ее неопределенности при всех благих намерениях эта концепция не дает полного ответа на вопрос о сущности и реальных носителях этого явления [Флорида, 2007]. При его характеристике акцент делается не на материальное благополучие (как при описании среднего

класса), а на новые принципы работы, на преобладание горизонтальных связей в жизни, на новую этику этих связей и отношений. Попытки отечественных социологов (например, [Волков, 2011]) применить это к ситуации в России оставили открытым вопрос об индикаторах креативности, о том, всем ли профессиям и специальностям присуще проявление творчества, могут ли претендовать на это наименование, например, все работники, а не только специалисты в области производства и других сфер общественной жизни?

В стремлении объяснить новые явления в социально-классовой структуре привели к обращению к ушедшему в прошлое понятию *сословие* (см. [Кордонский, 2012; Немировский, 2017]). Анализ понятий «чиновничество», «новые дворяне», «казаки», «офисный планктон» и др., хотя это, вероятно всего, реальные явления, может ли претендовать на всестороннее описание многообразия кардинальных общественных связей?

Определенное место в осмыслении новой реальности заняли размышления о так называемой *элите*, под которой понимаются власть или капитал преобладающие [Гаман-Голутвина, 2006; Ашин, 2010; Понедельков, 1995 и др.]. К концепции элиты частично примыкает трактовка *бюрократии*, что нашло яркое выражение в произведении М. Джиласа «Новый класс» (1957) [Джилас, 1961]. Именно обозначение бюрократии как «нового класса», оказывающего решающее влияние на развитие общества, олицетворяют такие его характеристики, как владение символическим и политическим капиталом. В применении к Советскому Союзу такой анализ осуществил М.С. Восленский [Восленский, 1991]. По словам Паркина, «важным вопросом является не производство прибавочного продукта, а предоставление государством ограниченному кругу избранных права на перекрытие доступа оставшейся части общества к “средствам, необходимым для жизни и труда”» (цит. по: [Ильин, 2000: 236]).

Еще одна точка зрения представлена Д. Пинком, который сформулировал свое видение – разделение всех работающих на две группы: а) «людей организации» и б) «свободных агентов». Если первая группа полностью подчинена тем или иным официальным стандартам трудового поведения, для второй важна независимость от государственно-правовых и корпоративных факторов [Pink, 2001: 54]. С такой трактовкой трудно согласиться. Если определение «человек организации» в известной мере совпадает со стандартной, формальной, типичной занятостью, то второе – свободный агент – охватывает неопределенный круг новых форм занятости, полностью игнорируя значительное количество трудоспособного населения, вовлеченного в неформальную, временную, неполную, сезонную, эпизодическую работу, не говоря о безработных. А где их место в анализируемой Пинком структуре? Правда, говоря о «свободных агентах», он признает, что часть из них страдает от нестабильности, от отсутствия постоянной работы, социального пакета, но считая их незначительной массой – в США, по его мнению, таких людей всего 3,5 млн [Pink, 2001: 41].

Некоторым исследователям происходящие изменения позволили предположить, что классы исчезают, прекращают существование и превращаются в одну слабо дифференцированную массу в соответствии с выдвинутой концепцией о государстве всеобщего благоденствия. С этих позиций были высказаны сомнения и даже отвергнуты прежние формулировки и определения классов, как изжившие себя, не отражающие новые реалии и не объясняющие коренные трансформации социальной структуры общества; именно поэтому А. Горц писал о «конце рабочего класса» [Gorz, 1982]. Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в информационную эпоху [Тоффлер, 2001]. Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях С. Хантингтона [Хантингтон, 2003].

Эти поиски интерпретаций изменившихся обстоятельств показали, что предлагаемые концепции не охватывают многообразия реальных кардинальных изменений. В мире и российском обществе возникли новые крупные социальные группы и общности, которые ранее существовали в небольшом объеме или находились в зародыше, но в настоящее время заявили о себе как о значительном социальном явлении. Одним из первых обратил внимание на специфику и рост таких групп П. Бурдьё [Bourdieu, 1998: 96–102].

Так как феномен неформальной, нестандартной, нетипичной занятости стал стремительно возрастать не только в специфических сферах, таких как сельское и лесное хозяйство, в добывающих отраслях, но и в обрабатывающей промышленности, в гибких производственных системах, в малом и среднем бизнесе, то поток желающих осмыслить эти новые реалии стал постоянно увеличиваться, что нашло наиболее яркое отражение в монографии Г. Стэндинга [Standing, 2011].

Среди российских исследователей попытки осмысления новых явлений в структуре современного общества осуществлены в работах В.Н. Бобкова, З.Т. Голенковой, О.И. Шкаратана и др.; мы имеем обстоятельные и глубоко аргументированные разработки В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова (подробнее см.: [Тощенко, 2018: 46–62]).

Что такое прекариат? Новые реалии второй половины XX – начала XXI в. демонстрировали тот факт, что во многих странах мира все большее и большее количество людей оказались в положении, которое стали называть деформированным, теневым, неформальным (неофициальным); в трудовых отношениях для все возрастающего количества людей не только сферы производства все большее место стала занимать обеспеченность работой со всеми вытекающими отсюда гарантиями, защитой, уверенностью в сегодняшнем и завтрашнем дне.

В настоящее время неформальная, неустойчивая, нестандартная занятость в разных странах мира охватила от 30 до 60% трудоспособного населения, а не только рабочего класса. Возник вопрос: можно ли этих людей, вовлеченных в разные виды труда, обозначить одним понятием? Некоторые исследователи пришли к выводу, что этот новый социоструктурный феномен следует назвать «прекариатом» (от лат. *præcarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат – принципиально новое образование, означающее социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, что в конечном счете влияет на качество их жизни. Основными показателями для выявления принадлежащих к прекариату были: *неустойчивая, нестабильная занятость* наемных работников, независимо от сектора (формального или неформального), в котором они трудятся, *отсутствие/уменьшение социальной защиты, негарантированность места работы* и как следствие – *неуверенность в собственном будущем*.

Однако стоит ли эти прекарные слои называть новым классом? Существуют различные точки зрения – от отрицания такого права (З. Голенкова, В. Бизюков) до его неперемennого признания (Г. Стэндинг, Ж. Тощенко). Исследователи признают: эти общности представляют собой разрозненную, неоднородную массу, олицетворяющую формирование новых производственных (трудовых) отношений. Но есть ли общие структурообразующие показатели, позволяющие этот феномен считать классом?

По распространенной марксистской трактовке «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [Ленин, 1970: 15]. Но эти признаки в неполной мере характеризуют социальное положение современных людей, которое определяется другими индикаторами и показателями. Поэтому речь идет не о том, что исчезают классы, а о том, что они приобретают новые черты, характеризуются иными показателями.

На наш взгляд, основным признаком прекариата как класса является *занятость в ее специфических формах*, которая проявляет себя в различных комбинациях по отношению

к процессу вовлеченности людей в процесс труда. Вторая принципиальная черта прекариата – *уровень гарантированности прав*. Третья – *степень причастности к решению жизненно важных проблем* – от макро- до микроуровня, там, где человек работает и живет. И наконец, *убежденность в возможности устойчивого будущего лично для себя и для своей семьи*. Эти утверждения являются методологической основой выделения прекарных слоев в общей социально-классовой структуре общества.

Место прекариата в социально-классовой структуре. По мнению Г. Стэндинга, социально-классовая структура современного общества может быть представлена следующим образом. На вершине классовой пирамиды располагается крошечная элита – незначительный слой вероятно богатых «граждан, способных навязать свои решения любому правительству». Затем следует «салариат» (от *англ. salary* – зарплата), который характеризуется стабильной полной трудовой занятостью. Он обладает атрибутами социального благополучия: оплачиваемый отпуск, корпоративные пособия, социальные гарантии и пр. Далее следует не столь многочисленная группа – «квалифицированные кадры» (*profitians*), обладающие определенными знаниями и опытом, которые позволяют выступать на рынке в качестве независимых работников или консультантов, не обременяющих себя «стандартными трудовыми отношениями». Четвертая группа – классический пролетариат, ядро старого рабочего класса, который переживает упадок и потерю чувства солидарности. Ниже располагается быстро растущий прекариат, который состоит из множества необеспеченных людей, живущих неопределенной, негарантированной жизнью, работающих на случайных и постоянно меняющихся местах без всяких перспектив профессионального роста [Standing, 2011: 7–8].

С такой классификацией социально-классовой структуры трудно согласиться. Во-первых, нет единого основания ее построения: в одном случае говорится о форме занятости, в другом – о форме использования знаний, в третьем – о социальном положении. Во-вторых, к элите относят только по размеру богатства и ее влиянию на политическую власть. В-третьих, не упоминается средний класс, хотя на это звание могут претендовать и салариат, и техники-профессионалы и частично пролетариат. В-четвертых, характеризуя прекариат, к нему относят такие специфические слои, которые многие исследователи называют андерклассом – деклассированными, люмпенизированными группами, фактически олицетворяющими деградированное социальное положение.

Рыхлость и неопределенность сущностных черт прекариата приводит Стэндинга к выводу, что занятость является не основной, а лишь одной из характеристик его положения наряду со специфическими формами получения средств существования и отсутствием профессиональной идентичности. Поэтому мы согласны с критикой Стэндинга, что его характеристики прекариата сводятся к доказательству, будто он *не является, не обладает, не имеет, лишен и т.д.* С описанием «нового класса», построенным на отрицании, трудно согласиться [Бирюков, 2016: 160].

Нет определенности в выявлении сущности и места прекариата в современной социально-классовой структуре и у других исследователей, которые стали оперировать этим понятием. Применяя его, Р. Сеймур утверждает, что «ни одна из приведенных Стэндингом характеристик “прекариата” не является фундаментальной для классового анализа в марксистском понимании» [Seymour, 2012: 11]. Но существуют другие определения класса, которые могут быть основанием иного подхода к его определению, открывать новые, иные качественные характеристики. Другое дело, что Стэндинг не всегда последователен в определении прекариата и его исторической миссии. Например, так как Стэндинг не относит прекариат к пролетариату, то непонятно, кому он противопоставит. Классы определяются с точки зрения их отношения к другим классам [Wright, 2005]. Желание Стэндинга провести четкую грань между пролетариатом и прекариатом отражает не совсем понятную специфику, которая возможно присуща некоторым группам в западноевропейских странах и поэтому страдает европоцентризмом. Вместе с тем трудно согласиться с мнением, когда прекариат рассматривают как часть пролетариата, хотя бы потому, что

черты прекариата присущи не только рабочему классу, но и многим другим социальным группам и общностям в сфере производства, науки, образования, культуры и здравоохранения [Бирюков, 2015: 162].

Что касается отечественной литературы, то практически не было обоснованных попыток рассмотреть социально-классовую структуру современного российского общества. Анализ, как сказано выше, ограничивался в основном средним классом, креативным классом, элитой и т.д., что давало определенную важную информацию, но не приводило к обобщениям.

Если обозначить наше понимание современной социально-классовой структуры, то она состоит: а) из незначительного, но влиятельного слоя имеющих в своих руках политическую власть и значительные капиталы, который во многих случаях называют элитой, а я предпочитаю использовать английское выражение «истеблишмент» (establishment) (сильные мира сего); б) *средний класс* (иногда его называют *слоем*), который включает социальные общности и группы, характеризующиеся относительным материальным и финансовым благополучием, и который, по выводам ряда исследователей, в настоящее время стал стремительно уменьшаться; в) *прекариат*, который охватывает значительные слои и общности с негарантированной занятостью, с неустойчивым социальным положением, с неясной жизненной перспективой; г) *андеркласс*, который представлен исключенными из принятого в обществе образа жизни и в значительной степени утратившими социальные контакты.

Говоря о резком ухудшении ситуации на рынке труда в условиях экономической и финансовой стагнации и рецессии, роста безработицы, снижения уровня благосостояния во многих экономиках мира, ряд исследователей предпочитают говорить о прекаризации труда как процессе, который проявился в условиях господства принципов «политической экономии неопределенности» (З. Бауман) и мер жесткой экономии. Процесс прекаризации показывает всю глубину социальной нестабильности, непредсказуемости дальнейшего развития многих обществ [Шкаратан и др., 2015: 99–110].

Социальная структура прекариата. Существует несколько точек зрения по поводу того, какие социальные общности, социальные группы входят в состав прекариата. По мнению Г. Стэндинга, он «состоит из множества необеспеченных людей, живущих неопределенной, негарантированной жизнью, работающих на случайных и постоянно меняющихся местах без всяких перспектив профессионального роста» [Standing, 2011: 7–8]. Такая характеристика сближает этих людей с андерклассом, людьми приближающимися ко «дну общества», в то время как негарантированность и нестабильность занятости касается более широкого круга людей, занятых неформальной (на определенный момент оплачиваемой) работой, ограниченной во времени, не обладающей социальными гарантиями.

Имеется точка зрения, что всякий наемный труд обладает той или иной степенью и чертами прекарности. Но при таком походе сюда можно включить все трудоспособное и экономически активное население (З.Т. Голенкова, М. Кастельс). Еще одна позиция выражена В.Н. Бобковым: прекариат – все, кто включен в такие виды трудовой деятельности и трудовых отношений, которые не попадают под понятие стандартной занятости [Неустойчивая занятость..., 2018: 6]. Ряд исследователей рассматривает прекарный труд как труд людей, нестабильно занятых, ущемленных экономически и угнетенных отсутствием социальной и правовой защиты. Их относят к издержкам развития общества, которые страдают определенными «болезнями» и поэтому должны анализироваться с позиций их устранения или уменьшения, а не с позиций перспективности их существования и повышения их роли и значимости [Федченко и др., 2016: 27]. Отказ в самостоятельности этого понятия выражен в позиции: «...прекариат является составной частью пролетариата, а неким “новым классом”», хотя признается, что «прекаризация втягивает все новые и новые общественные слои в трясину социальной нестабильности» [Бирюков, 2015: 162].

Хотелось бы обратить внимание на формулировку прекарности труда Международной организацией труда, в основу которой положены: а) виды (не)оформленности работы; б) временность этой работы; в) неустойчивость оплаты труда и отсутствие или

ограниченность социальных гарантий (см.: Конвенция МОТ № 175 «Конвенция 1994 года о работе на условиях неполного рабочего времени» (ратифицирована в 2016 г.)).

Определенную сложность при характеристике прекариата представляют разные трактовки его занятости, которые описываются как неустойчивые, нестандартные, нетипичные, неформальные и даже теневые (подробнее см.: [Тощенко, 2018: 49–57]). Анализ таких точек зрения позволил сделать заключение: во всех этих определениях обобщающей характеристикой является **неустойчивая, негарантированная, неформальная занятость** в различных ее комбинациях.

Наше исследование ПТ-2018 позволило на основе социологических данных прийти к выводам.

Во-первых, к прекариату относится часть трудоспособного населения России, занятого, по оценке МОТ, на неформальной работе, т.е. не заключивших трудовые договора. По мнению некоторых экспертов, эти социальные группы насчитывают до 20% [Бирюков, 2015] (в нашем исследовании 14,5%) занятых в производственной и других отраслях национальной экономики. Специфика этой группы в том, что она является принадлежностью не только неформального, но и формального сектора экономики [Капелюшников, 2012: 30–32]. Эта группа ограничена в использовании своего труда, полностью или частично лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Доходы неформально занятых отличаются от официальных зарплат на 43–65%. По данным МОТ, если среди формально устроенных бедность в развитых странах не превышает 12%, среди неформально занятых она может достигать 35%¹.

Во-вторых, прекариат в России состоит из занятых на временной работе, фиксирующей сроки занятости до 1 года, что составляет до 10% в зависимости от сферы приложения труда. В странах Западной Европы этот вид занятости включает в себя максимальное число работников (более 20%), в странах Азии – от 24% на Филиппинах и 67% во Вьетнаме. По данным МОТ, временные работники получают на 15–55% меньше тех, кто обладает постоянным контрактом. Каждый третий из них относится к группе прекариев, к работникам, которые живут ниже прожиточного уровня [там же, 2017].

В-третьих, прекариат состоит из работающих неполный рабочий день или перебивающих сезонными и случайными, эпизодическими подработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. В большинстве случаев люди вынужденно соглашаются работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за труд меньшее вознаграждение, чем рассчитывали. Более того, многие из этой группы нередко обнаруживают, что подвергаются большей эксплуатации и самозексплуатации, которая часто неадекватна вознаграждению. Эта группа постоянно подвергается ограничениям, вынуждающим прибегать к смене прежней и поиску новой работы. В связи с проблемой продолжительности рабочего дня (недели) стоит отметить и такую особенность: по данным ПТ-2018 у 26% опрошенных рабочий день постоянно (и у 39,9% – иногда) превышает 8 часов.

В-четвертых, к прекариату относятся, на наш взгляд, занятые заемным трудом, который существует в двух видах – аутсорсинг и аутстаффинг. Суть его состоит в том, что посреднические фирмы нанимают работников и передают их другим фирмам, предприятиям, организациям для выполнения нужных им видов работ или оказание услуг другим заказчикам. Это принципиально новая форма занятости, которая использует рабочую силу через посредника. В этом случае работник уподобляется товару, где все имеют выгоду за исключением работника. Причем это касается всех видов труда, в том числе высококвалифицированного. В отличие от рекрутинговых агентств, которые только предлагают те или иные вакансии, эти фирмы и набирают работников и расплачиваются с ними [Козина, 2013].

Таким образом, кардинальное изменение и рождение новых форм и видов занятости позволяет признать, что появление и формирование прекариата ведет к пересмотру

¹ Мануйлова А. Нестандартная занятость берет свое // Коммерсантъ. 2017. 17 октября. № 193. С. 2.

прежних позиций о современной социально-классовой структуре. А это требует опоры на статистические и социологические данные. Так как прекариат – весьма текущая (З. Бауман) социальная реальность, следует выделить кандидатов в его состав, т.е. тех, которые находятся в пограничном промежуточном состоянии. К ним, на наш взгляд, относятся фрилансеры, часть мигрантов и часть вступающей в трудовую жизнь молодежи, в основном студенческой, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и в профессии устойчивое положение, но находятся в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и претензий.

Фрилансеры представляют социальную группу так называемых *креативных профессий* – специалистов по информационным технологиям, программистов и др. Их нередко пытаются представить приверженцами свободоловиего духа, независимых от регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Харченко, 2014: 57]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего контроля оборачивается тем, что эта независимость поражена теми же ограничениями, как и названные ранее группы: беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем [Стребков, Шевчук, 2017: 81–93].

Говоря о мигрантах как группах прекариата, подчеркнем, что во многих странах мира, в том числе и в России, их положение также характеризуется ситуацией, в которой многие ущемлены в правах, их труд ниже оплачивается, им не гарантируются социальные блага. Нередко подвергаются косвенной этнической и религиозной дискриминации [Рыбаковский, 2017: 56–63].

Основные обобщающие характерные черты прекариата. Анализ результатов ПТ-2018 позволяет утверждать, что прекарные общности и группы обладают следующими чертами.

Прежде всего, неустойчивое социальное положение, ведущее к «деинтеллектуализации труда», деформации трудового процесса. Провозглашаемое гибкое использование трудовых ресурсов оборачивается для работника потерей или снижением социального положения и/или статуса. И эта угроза серьезно волнует людей. По данным ПГ-2018, 22,5% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы. А если к этому добавить, что 15% хотят сменить работу, а 31% находятся в состоянии неопределенности, то очевидно: от этой общности трудно и даже невозможно ожидать творчества, повышения эффективности производства, роста производительности труда.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди по своим потенциальным возможностям и способностям, достойные претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает статусный диссонанс. Ему подвержено значительное количество людей, которые во все большей мере работают не по полученной специальности. Прекариат в значительной мере депрофессионален, ему присуща частая смена мест приложения труда, и это не внутренняя потребность, а навязанное неолиберальной экономикой поведение. А как может быть иначе, если при изменении места работы у 48,9% изменилась и профессия. А это означает, что человек вынужден осваивать новые навыки, иные профессиональные качества. Не все благополучно и на новом месте работы – ею не удовлетворены 22% от тех, кто сменил работу. Диссонанс характерен для молодежи, которая начинает жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Уже в этом случае в сознание группы закладывается ощущение несправедливости.

Не менее важна характеристика социальной незащищенности прекариата, лишение его социальных гарантий. Это проявляется, прежде всего, в неудовлетворенности оплатой труда; доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от обстоятельств. Не удивительно, что 50,3% сказали о низкой оплате труда и 16,3% – о неясности в его оплате. Прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, эти люди не удостоиваются не только регулярных, но

и эпизодических поощрений. По данным исследования, 50,3% заявили, что им не гарантируется оплата труда во время вынужденной остановки работы, 34,3% – уход за ребенком, каждому пятому отпуск или возможность отгула при необходимости (23%) и оплата больничных листов (22,8%). Статус временного работника освобождает работодателя от затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет правовой защиты (или она минимальна, урезана). По данным всероссийского исследования (1207 чел., в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа была официально оформлена трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом.

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего. Надежду на улучшение жизни в ближайшем будущем выразили 44,8% опрошенных, при отрицании такой возможности у 22,9% и при 32,3% (каждый третий) затруднившихся с ответом. На деле это означает отказ практически каждого второго от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от жизненной перспективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение. Несмотря на различие в целях добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее – ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная.

При определении имманентных черт прекариата его положение характеризуется поразительным обстоятельством: многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают их планы по развитию или существованию, ни их будущее. Это положение отличное от пролетариата делает прекариат абсолютно отстраненным от всякого влияния и воздействия на органы, которые руководят ими.

Предварительные выводы о социальных последствиях существования прекариата.

Мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся строить рациональные взаимосвязи с обществом и государством. С другой стороны, это быстро растущий слой работников с нестабильным социальным положением, с неопределенной, гибкой (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Он полностью или частично лишен доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видит перспектив своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей политической программы и соответствующей идеологии. Здесь мы согласны со Стэндингом, что прекариат все еще есть «класс в себе», но стоит на пороге превращения в «класс для себя». Он уже образует несколько устойчивых социально-классовых образований, которые объединяют значительные слои населения и закрепляют их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в потенциально опасное образование – класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьбы страны. Победы Д. Трампа в США, Э. Макрона во Франции, а также В. Зеленского на Украине одержаны мобилизацией и мощной поддержкой прекарных слоев этих стран, ущемленного в правах населения в малых и средних городах, а также в сельской местности.

Становится все более очевидным, что патернализм продолжает оставаться имманентной чертой общественной и личной жизни россиян. Неолибералы категорически отрицают роль государства в решении экономических проблем, централизованного планирования и регулирования. Они характеризуют рыночную экономику как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и инвестиции без ограничений перетекают туда, где для капитала нет ограничений. Они пытались доказать, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению деиндустриализации, снижению эффективности производства, что развитие экономики, повышение конкурентоспособности возможны в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете, эта установка реализовала основную цель неолибералов – переложить бремя рисков, заботы об общественной и личной жизни на плечи самих людей, что в условиях России оказалось непродуктивным, ошибочным и бесперспективным.

Социальная политика государства представляет плохо скоординированный набор мероприятий, которые не образуют системы, целостности, что проявляется в общественном, трудовом и повседневном поведении людей (45,5% не участвовали ни в каких формах общественной жизни; в трудной жизненной ситуации к органам власти обратятся только 2,1%; 24,9% испытывают чувство беспомощности при попытках повлиять на происходящее).

Основной проблемой прекариата становится обеспечение занятости. Так как продолжает расти во все возрастающих размерах неформальная, временная, неполная, эпизодическая занятость, а также существовать феномен работы без трудового договора, то требуется принятие мер по использованию, регулированию и правовой защите этих групп населения. Одной из перспективных мер могла бы стать сокращение рабочего дня до 3–4–5 часов, о чем мечтали многие сторонники социального государства и социалистических убеждений.

Из-за огромных масштабов смены работы, профессий происходит снижение интеллектуального капитала страны. Следствием такого положения многих миллионов трудоспособного населения становится тот факт, что они не будут опорой официальной политики, не станут участниками объявленного и рекламируемого курса по повышению эффективности производства, роста производительности труда. Прекарные группы начинают апробировать новые формы сопротивления происходящим изменениям. Если не будут решены проблемы, в решении которых заинтересованы эти слои и которые бы гарантировали им устойчивость их положения, это может привести к созданию предпосылок превращения их в «опасный класс» (Г. Стэндинг), склонный в потенции к осуществлению кардинальных перемен в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашин Г.К. Элитология, история, теория, современность. М.: МГИМО, 2010.
- Бирюков А.А. Появление прекариата или возвращение пролетариата? // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 158–162.
- Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь» – «Советская Россия», 1991.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 121–138.
- Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии, 2000.
- Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения? М.: ВШЭ, 2012.

- Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 18–31.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Фонда «Общественное мнение», 2008.
- Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 1–29.
- Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 40–47.
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018.
- Понделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995.
- Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56–63.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура общества. М.: Новый Хронограф, 2014.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2001.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от прокласа к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Федченко А.А., Колесникова О.А., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В. Неформальная занятость: теоретические основы, исследование, прогноз. Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2016.
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: ИД «Классика-XXI», 2007.
- Хантингтон С.Ф. Третья волна. Демократия в оценке XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
- Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- Bourdieu P. Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays) // Contre-feux. Paris: Raisons d'agir, 1998. P. 96–102.
- Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London: Pluto Press, 1982.
- Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.
- Pink D. Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. New York: Warner Books, 2001.
- Seymour R. We are All Precarious – On the Concept of the «Precariat» and its Misuses // New Left Project. 2012. 10 February. URL: <https://www.coursehero.com/file/15770412/Seymour-R-We-Are-All-Precarious-On-the-Concept-of-the-Precariat-and-its-Misuses/> (дата обращения: 01.04.2019).
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011.
- Wright E.O. Approach to Class Analysis. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005.

Статья поступила: 15.04.19. Принята к публикации: 29.07.19.

THE PRECARIAT PHENOMENON: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PREMISES OF ITS STUDY

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director and Head of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosh@mail.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00024.

Abstract. The article discusses theoretical, methodological foundations of the precariat, understandings of this phenomenon in Russian and foreign literature, reasons for its appearance in the modern history. The initial positions of the preparation of the first special study of the precariat in the Russia are described, the methodological grounds for its implementation are revealed: the definition of the social problem in the sphere of labor relations, the formulation of the hypotheses of the study,

the substantiation of the research model associated with the definition of the structure (composition) of the precariat, its representation in various spheres of society. Special consideration was given to the methodological tools of its study – sampling, survey methods, justification of methods of analysis of empirical information. Based on the data of an all-Russian study, the main and special features of the precariat were identified, its place and relationship with other social groups and primarily with the middle classes were shown. A debatable question is discussed – whether the precariat can be called a class and what are its main criteria in this case. Assumptions are made about its role in the course of fundamental social changes in the economy and politics, social consequences of its existence. An attempt was made to determine its role in defending its own interests, as well as the prospects for its further development and functioning.

Keywords: theory, methodology, precariat, social structure, employment, labour relationship, social consequences.

REFERENCES

- Ashin G.K., Okhotsky V.V. (2000) *Elitology, History, Theory, Modernity*. Moscow: MGIMO. (In Russ.)
- Biriukov A.A. (2015) Emergence of Precariat or Return of Proletariat? (Analysing «The Precariat: The New Dangerous Class» by G. Standing). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 158–162. (In Russ.)
- Bobkov V.N. (ed.) (2018) *Unstable Employment in the Russian Federation: Status and Trends of Decrease*. Moscow: REU im. G.V. Plekhanova. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1998) Precariousness is Everywhere Nowadays. In: *Against-Fires*. Paris: Raisons d'agir: 96–102. (In Fr.)
- Djilas M. (1961) *The New Class*. New York: Frederik A. Preger. (In Russ.)
- Fedchenko A.A., Kolesnikova O.A., Dashkova E.S., Dorokhova N. (1916) *Informal Employment: Theoretical Foundations, Research, Forecast*. Voronezh: Voronezhskiy TsNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii. (In Russ.)
- Florida R. (2007) *Creative Class: People Who Change the Future*. Moscow: ID «Klassika-XXI». (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015) Precariat as a New Phenomenon in the Modern Social Structure. In: Golenkova Z.T. (ed.) *Hired Worker in Modern Russia*. Moscow: Novyy Khronograf: 121–138. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds) (2016) *Middle Class in Modern Russia. Years of Research Experience*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Goetz A. (1982) *Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism*. London: Pluto Press.
- Hardt M., Negri A. (2000) *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Huntington S.F. (2003) *Third Wave. Democracy in the Assessment of the Twentieth Century*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Ilyin V. I. (2000) *Social Inequality*. Moscow: Institut sotsiologii. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2012) *Informal Employment in Russia: What do Alternative Definitions Say?* Moscow: VShE. (In Russ.)
- Khartchenko V.S. (2014) Way of Life of Russian Free-lancers – a Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 54–63. (In Russ.)
- Kordonsky S.G. (2008) *Class Structure of Post-Soviet Russia*. Moscow: Fond «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.)
- Kozina I.M. (2013) Employees of Borrowed Labor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 18–31. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1970) The Great Start. In: Lenin V.I. *The Complete Works*. Vol. 39. Moscow: Politizdat: 1–29. (In Russ.)
- Nemirovskiy V.G. (2017) Justice Concept in the Context of the Estate Social Structure of Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 40–47. (In Russ.)
- Pink D. (2001) *Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*. New York: Warner Books.
- Ponedelkov A.V. (1995) *Elite (Political and Administrative Elite: Problems of Methodology, Sociology, Culture)*. Rostov on Don: Izd-vo SKNTs VSh. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L. (2017) Functions and Consequences of Migration Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 56–63. (In Russ.)
- Seymour R. (2012) *We are All Precarious – On the Concept of the «Precariat» and its Misuses*. New Left Project. 10 February. URL: <https://www.coursehero.com/file/15770412/Seymour-R-We-Are-All-Precarious-On-the-Concept-of-the-Precariat-and-its-Misuses/> (accessed 01.04.2019).

- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (polls in Russia, 1994–2013 data). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London; New York: Bloomsbury Academic.
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2017) Work Values of Self-employment and Organization Employment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 81–93. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The Social Structure of Society*. Moscow: Novyy khronograf. (In Russ.)
- Toffler A. (2001) *Metamorphosis of Power. Knowledge, Wealth and Power on the Threshold of the XXI Century*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T. (2018) *Precariat: from Protoclass to a New Class*. M.: Nauka. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2016) *The Life World of Russians: 25 Years Later (late 1980s – mid 2010s)*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2011) *Creativity: a Historical Breakthrough in Russia*. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie. (In Russ.)
- Voslensky M.S. (1991) *Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union*. Moscow: MP «Oktyabr'» – «Sovetskaya Rossiya». (In Russ.)
- Wright E.O. (2005) *Approach to Class Analysis*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Received: 15.04.19. Accepted: 29.07.19.